

56-я Научная Конференция Аспирантов, Магистрантов и Студентов БГУИР, Минск, 2020

МНГОВАРИАНТНОСТЬ ПУТЕЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Гершанок Д.А.

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники г. Минск,
Республика Беларусь

Янковский Ю.Ю. – преподаватель

В работе рассматривается ряд подходов к проблеме политогенеза, т.е. перехода от вождества к раннему государству, в свете антропологической теории социальной эволюции и на основе современных археологических данных. Сравнительный анализ земледельческих и скотоводческих обществ древности дает основание говорить о многовариантности путей социально-политической эволюции при общей тенденции, связанной с ростом сложности социальной организации.

Многие антропологи, изучающие зарождение и развитие ранних сложных обществ, существовавших в сходных природных условиях, все еще полагают, что траектория их развития была одинаковой даже при отсутствии между этими обществами исторических связей. Однако Ю.Е.Берёзкин, проводя сравнение двух независимых, ранних и достаточно сходных в природно-хозяйственном отношении центров становления цивилизаций, какими являются Центральные Анды и Передняя Азия, ставит подобный постулат под сомнение. Сходным оказывается лишь магистральный тренд (усложнение технологии, демографический рост, появление все большего числа уровней надобщинной организации). Различия же касаются характера и последовательности появления археологически видимых признаков социальной сложности.

Ранние общества Центральных Анд, а также исторически связанные с ними общества Южных и Северных Анд и юго-востока Центральной Америки отличаются от переднеазиатских соответствующего этапа в следующих отношениях.

1. Значительно большие размеры общественно-культовых сооружений при одинаковых или меньших демографических показателях.
2. Профессиональное изобразительное искусство. В культурах Америки его в тысячи раз больше, чем в переднеазиатских культурах.
3. Сокровища в захоронениях. В Центральных Андах захоронения бывали намного богаче, чем в ранних государствах Древнего Востока.
4. Не просто использование сильнодействующих наркотиков, но включение соответствующих практик в ритуалы с участием элиты.
5. Культ голов-трофеев и публичное умерщвление пленников, а также изображения соответствующих сцен. В Передней Азии ранее урукского времени изображений пленников нет.
6. В отличие от Передней Азии в Андах практически нет теллей, т.е. остатков плотно застроенных поселений, жизнь на которых продолжалась веками и тысячелетиями.
7. В отличие от Передней Азии после IX тыс. до н.э. и до времени распространения мировых религий, развитие андских культур имело пульсирующий характер — эпохи социополитического усложнения сменялись периодами регресса.

Различия между двумя очагами формирования сложных обществ следует искать в различии способов, которые элита использовала для удержания власти.

В Андах инструментом удержания власти элитой являлись прежде всего монополия на тайное знание. Несмотря на глубину кризисов, они не привели к кардинальной смене культурной традиции. Из этого исследования мы можем сделать вывод, что к определенному уровню хозяйственного развития могут вести различные способы организации общества.

К сходным выводам приходит и Н.Н. Крадин в своей работе “Кочевники, мир-империи и социальная эволюция”, в которой он выделяет четыре варианта образования степных держав. Первый вариант, как считает Крадин, представляет собой “классический путь внутренней интеграции племенного номадного этноса в централизованную империю”. Он делает вывод, что “данный процесс был обусловлен появлением в среде кочевников талантливого политического и военного деятеля, которому удавалось объединить все племена и ханства, «живущие за войлочными стенами», в единое государство. После объединения кочевников для поддержания единства империи правитель должен был организовать поступление прибавочного продукта извне. Если ему это не удавалось, империя разваливалась”. Крадин называет этот вариант монгольским в связи с тем, что чаще всего этот вариант образования степной империи ассоциируется с именем Чингисхана.

Второй вариант Крадин связывает с “образованием на периферии уже сложившейся кочевой империи политического объединения с сильными центростремительными тенденциями. В борьбе за независимость это объединение свергало своего эксплуататора и занимало его место в экономической и политической инфраструктуре региона”. Этот вариант Крадин прослеживает на примере взаимоотношений тюрков с различными соседними племенами и называет его тюркским.

Третий вариант связан с миграцией номадов и с последующим подчинением ими земледельцев. Существует мнение, что это был типичный путь, однако на самом деле завоевание крупных земледельческих цивилизаций часто осуществлялось уже сформировавшимися кочевыми империями.

Чаще эта модель встречалась в более мелких масштабах в форме «квазиимперских» образований кочевников (аварская, болгарская, венгерская державы и некоторые другие). Этот вариант Крадин условно называет гуннским.

Наконец, существовал четвертый, относительно мирный вариант. Он был связан с образованием кочевых империй из сегментов уже существовавших более крупных «мировых» империй номадов – тюркской и монгольской. Этот вариант Крадин предлагает называть хазарским.

Эта же идея звучит в работах ряда российских социологов и антропологов. Так, Д.М. Бондаренко, Л.Е. Гринин и А.В. Коротаяев в статье «Альтернативы социальной эволюции» отмечают: «...для нас важно наличие, по нашему мнению, оснований полагать, что одинаковый уровень социополитической и культурной сложности (который позволяет разрешать одинаково трудные проблемы, стоящие перед обществами) может быть достигнут не только в различных формах, но и разными эволюционными путями. Таким образом, к одному уровню сложности системной организации можно прийти по разным траекториям развития».

Проблему политогенеза невозможно объяснить на основе однолинейных теорий, в основе которых лежал единственный фактор, благодаря которому возникает государство. Для этого необходим современный подход, учитывающий всю множественность причин, влияющих на политогенез. Однако политогенез не сводится только к образованию государственности, так как параллельно с ней складывались иные политики, государством не являющиеся.

Множественность путей социополитической эволюции в прошлом дает нам основание полагать, что и в современных условиях важно сохранить возможности государств для поиска самостоятельного вектора социального и политического строительства. Кроме того, это обеспечивает столь важное для мирового социума культурное многообразие и возможности человечества для поиска наиболее удачных моделей развития.

Список использованных источников:

1. Березкин Ю.Е. *Варианты политогенеза в догосударственную эпоху и подходы к их изучению // Антропологический форум. № 20. 2014. С. 187–217.*
2. Коротаяев А. В., Бондаренко Д. М., Гринин Л. Е. *Социальная эволюция: альтернативы и варианты (к постановке проблемы) // Универсальная и глобальная история. Волгоград, 2012. С. 348–377.*
3. Крадин Н.Н. *Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 314–336.*